

В юности я выглядела воробышком сереньким. А зазноба мой, Игорь-Игорёк, был статным, черноволосым и синеоким. Все девушки на него заглядывались. А уж моё-то сердечко начинало стучать часто-часто, и губы пересыхали от одной лишь мысли о нём. Рады были Игорёше в любой компании: певун, гармонист и за словом в карман не лез. Да, весёлым он был, а нынешним задним умом добавлю: и легкомысленным!

А ещё был у Игоря мотоцикл Иж-49, новенький. Звучный такой — за версту звук мотора слышно — и быстрый. Ни у кого в нашем городке такого не было. Когда однажды Игорь предложил прокатиться, у меня и мысли отказать не возникло. Прижалась щекой к горячей мускулистой спине милого, и полетели мы. Страшно и сладко. Ветер обжигал нас. Кровь бурлила. Сердца наши бились как одно, и тела в полёте этом на миг словно единым целым стали.

Опомнилась я за городом. Мотоцикл остановился на узенькой тропинке, а вокруг, и справа, и слева, куда ни кинь взор — поля пшеничные волнуются. Игорь обнял меня, целует, слова жаркие на ухо шепчет:

— Моя ты, Лидушка, моя!.. Любить тебя буду здесь и сейчас!..

Задышал он часто-часто, но вдруг поперхнулся и звук издал смешной, на хрюканье похожий. Отрезвела я от звука нелепого, словно из-под гипноза вышла. Вырвалась из объятий.

— Нет,— кричу,— нет! — и чуть тише добавляю: — Вот поженимся, тогда и любить будешь.

Игорь пытался снова обнять меня, но я отбивалась изо всех сил, и, видя настрой мой нешуточный, парень отступил.

— Дура!

— Вези меня домой,— говорю.

— Ну уж нет! Сама дойдёшь!

Сердитый парень развернул мотоцикл, и только его и видели. Вернее — только и слышали... Игорь исчез, но звуковое «дыр-дыр-дыр» его мотоцикла ещё какое-то время плыло и медленно таяло над полями.

А путь домой оказался неблизким. Вначале я плакала от обиды. А потом «хрюк» Игорёшин вспомнила, и смешно мне стало. Птицы вокруг пели, кузнечики стрекотали... И радостно, и сладостно мне стало от воспоминаний о поцелуях жгучих. Уже и солнце садилось, и идти недалеко оставалось — через овраг мимо кладбища, лесок обогнуть, а там уже и первые дома видны. Вот и шла я неторопливо — думала, страшный овраг засветло перейду.

Смеркалось долго, а ночь упала как-то сразу и на поля, и на лесок, и на меня в овраге, в самом глубоком и страшном его месте. Слухи разные про тот овраг ходили. И обошла бы я его стороной, но другого пути не было: слева — кладбище, справа — лесок.

Бегу я по тропинке. Вдоль ручейка, что по дну оврага течёт, тропинка сырая и скользкая извивается. Бегу, тороплюсь, но осторожничаю, споткнуться боюсь. И вдруг со стороны кладбища ухнуло что-то ехидно и злобно. Я со страху взвилась и припустила что есть мочи. Но кто-то меня за левую лодыжку хватил липкими холодными лапами — и смехом замогильным засмеялся: «Угу-ху-гу-у!..» И я со всего размаху плюхнулась в ручей...

Как выбралась, как до дому добежала — не помню. Вся в грязи и тине. Хорошо, мать не видела. Она в ночную смену была. А то влетело бы мне и за кофточку, в болоте перемазанную, и за юбку в репьях, и за свиданьице непутёвое.

...Так и не сложилась любовь у нас с Игорем. Может, силы недобрые в том овраге влюблённость из сердца моего выкрали. А вернее всего, легкомыслие Игорёнушкино отрезвило меня, повзрослевшую, глаза мои открыло. Не скрываясь, встречался Игорь со многими. И ко мне ещё долго клинья подбивал. Но молчало сердечко моё, а однажды сказал он такое, отчего заledenело сердце окончательно:

— Некрасивая ты, Лидка. Замуж не зову и никогда не взял бы. И никто не возьмёт чернушку-заморыша. Зря ласку мою отвергаешь. Так и останешься девой старою.

После слов этих ушла любовь, одна горечь горькая глубоко в сердце на всю жизнь затаилась. А вскоре женился Игорёша. А через год и я, вопреки его пророчеству, замуж пошла. Да, без любви, но за доброго парня. Правду говорят: стерпится — слюбится. Так и случилось. Иван, муж мой, военным был. Жили дружно, душа в душу. Сын у нас родился, а потом и доченька. Вернулись мы в город нашего детства, только когда муж в запас вышел. Квартиру казённую получили, а потом и дом свой отстроили. Доченька Катя теперь со своею семьёю в доме этом живёт, и я с ними, как мужа схоронила.

А что Игорь? Вспомнила я про него, конечно, когда в город вернулась. Но сказали, что умер он. Жизнь его не сложилась. Запил. Вот и ушёл прежде времени.

Но вот пару лет назад довелось нам таки встретиться. Пасха в тот год была ранняя. Начало апреля, но по ночам ещё подмораживало. И снег лежал, особенно за городом. В Троицкую субботу пошла я на кладбище родных проводить. У мужа на могилке побывала, у родителей — и своих, и мужниных. И вот совсем уж было домой собралась, но про тётку Нину вспомнила. Нехорошо, если её могилка забытой и неприбранной останется. Место, где похоронена моя тётка, помнила я плохо. Знала, что в стороне она, ближе к лесу, в старой части кладбища. Идти не близко, но что-то влекло меня непременно туда наведаться. Шла я по едва заметной в подтаявшем снегу дорожке, осматривалась и постепенно начала узнавать места. Ближе всего было пройти

напрямик между изгоролями и холмиками. Всего метров десять отошла я в сторону от дорожки — и ухнула в наполненную талой водой яму, скрытую под снегом. Неглубокая яма, по пояс примерно, но топкая. Дно под ногами ходуном ходит, как в болоте. И чем больше барахтаюсь, тем сильнее затягивает. И кричала я, звала на помощь, и Богу молилась, но вокруг — ни души. Холод силы мои забирал. Совсем замёрзла. Чувствую — не выберусь. И так горько мне стало, что на тётку родную обида страшная выплеснулась.

— Тётя Нина, — взмолилась я, — вот шла к тебе и не дошла. Хотела могилу твою найти, а, видно, свою нашла. По всему, час мой пришёл! Господи, спаси душу мою грешную!..

И тут словно кто-то за плечи меня подхватил. Кое-как упёрлась я ногами в дно, ухватилась за края деревенеющими руками, и вытолкнула меня из ямы сила неведомая. Полежала я на краю, отдышалась. Богу помолилась и всех родных покойников добрым словом помянула. Но нет чтобы домой бежать. Решила добрести всё-таки до тёткиной могилы, исполнить должное и обещанное. Ведь не бросила меня в беде душа родная! Дошла. Поплакала. Но достойно прибраться могилку не смогла, замёрзла уж больно. Скорее надо было домой возвращаться. Вышла на тропинку. Проща чуток. Плохо слушались меня задеревеневшие ноги, споткнулась и упала. Подниматься стала, глаза подняла — и близко-близко на табличке, гляжу, написано: «Игорь Тимофеевич Соколов». Игорёша! И тут хохот дикий напал на меня.

— Ох, Игорь-Игорёк, любовь моя непутёвая! Вот где встретились мы с тобой! Ты всё близости добивался — и добился-таки: к ногам твоим упала!..